

Как Петр Великий ездил в Соловки на богомолье

В досюльщину стародревнюю тишь и гладь были на Ладожском озере, ездили на плотях — не умели еще делать лодок; на плотях же собирались девицы и мѳлодцы и караводились и играли кругама и шинама. Прогневался Господь на беззакония этих людей, и явился сон одному человеку богобоязненну: «Поутру будешь ты похажать на промысел сетей, рюсей и мереж, и выстанет нож на сети твоей, и ты отруби сеть по тех мест, где выстанет нож, и скорее — берегу; завтра сколыбается море». Вышел этот человек на промысел и стал похажать мережа, рюси и сети, и выстал нож на сети его, и он отрубил сеть по тех мест и поехал в берег. Вдруг стала буря-падара, и трои сутки море горело погодою; кто имел жительство о Ладожское, нельзя было на улицу выйти — страсть такая была. Утихло море через трое сутки. Поехали ловцы по промыслу и в берегу прибойном, куда волна катилась, нашли семьдесят вачек на одну руку.

После этого Ладожское никогда тишиной, а все ветрами живет, и когда тихо, на нем стѳлшни ходят. Так было до Петра Первого.

Из Питера поехал Петр Первый по Неве и по Ладожскому озеру; вдруг поднялась буря-падара, погода непомерная; насилуй доплыли к Сторожевскому носу (где маяк Сторожевский). Вышел царь на берег; кружит его — укачало сине море. «Ай же ты мать-сыра земля, — закричал царь. — Не колыбайся! не смотри на глупо, на Ладожское озеро!» Того часу приказал подать кнут и порешил наказать сердитое море. Место, где изволил наказать своима царским руками, звали сухая луда, а с тех пор называется царская луда. После того Ладожское стало смиреннее и тишину имеет, как и прочие озера [...].

За тем Петр Первый имеет разъезд Свирью — два девяноста, Онегом — сто девяноста. Приезжает в Клименцы... Тогда монастырь преподобного Ионы был в затмении. Пристали к пристани. Царь к Ионе-преподобному зашел в храм — испытать, есть ли мощи. Отдернул половницу, тыкнул тростью царской — жезлом, и искра его оттуды засыпала. Царь скорее приказал устроить раку преподобному.

Тут заехали в Нятину губу — к древнему монастырю и, обворотя, поехали к Конды (в семи верстах от Клименец, в губе, сорок дворов). Остановились на якоре. Царь приказал ехать на ялике за хлебом в деревню. Приехали на берег эты три человека, в деревне все женщины — мужчины нету; работают на заводе на Бутманском. «Что это за какой же заводчик есть?» — спросили эты человеки, гальётчики. Те отвечают: «Мужики работают у этого Бутмана зиму и лето с год на круг; зимой возят уголье, руду; летом уголь жгут и руду сдымают и рыбу ловят, и озеро тут над верхом — Устрека».

Гальётчики оборотились с хлебом назад и Петру Первому это слово объяснили, что Бутман какой-то заводчик есть и люди работают у него на боярщине: мужчины единого нет в деревне. Тут царь распорядился с этыми людьмы — сказать этым женам, чтоб они снесли к своим мужевьям его царское слово: Бутмана государь требует. Услышал это Бутман, велел снарядить шлюпку, семь человек гребцов и две пушки. Выехал на Онего — и этой езды от устья до Клименец верст пятьдесят будет да от Ионы-преподобного верст семь до гальёта до царского. Приезжает Бутман к гальёту ко царскому, остановился за стрелище место (как картечь хватит, сажен за сорок). Тут приказал он людям стрелять в гальёт царский с того борту и с другого. И то не отбой: надо тронуться этому Бутману к царскому гальёту. Царь приказал ему выйти с гальёта на шлюпку и казнил его: Бутман был не русской, — самозванец. И по тых лет все заведение его решилось на Устреке, как решили ему житье его: годов семьдесят лежал этот завод впусте. Однажды мужики беседами займовались: «А что, ребята, посмотреть, не попадет ли там чего?» Стали перерывать землю; рублей на сто выкопали чугуны: балясины и плиты — коловратный аршин; места высоки и наполнены чугуном.

От Конды поехали на Вой-наволок: здесь трои сутки стоял на якоре гальёт царский, — была погода: да так и оставил Петр Первый свое царское слово: «Вой наволок». Отсюда — на Повенец, а там больше реками до Сумы на ладьях. Тут прибыли в Соловецкую обитель — в киновию. Царь, по обычаю, зашел в храм к преподобному Зосиме, и Савватию, и Герману, сослужил молебен и выехал в море; стала сначала буря, а тут поднялся туман; ездил Петр восемь суток: никакого берега, не видать земли. На девятую ночь появился сон ему: «Царю, был ты в соловецкой киновии, что же ты своима царскама рукама раки святых не замнул?» Выстал царь и рассказал этот сон своим гальётчикам. Вдруг в его рассказе поднялся туман и показался монастырь верстах в трех, не дале, от гальёта. Опять, обворотя, поехали в монастырь к Зосиме, и Савватию, и Герману, в киновию. Петр сослужил

молебн преподобным, запер раки своима царскама рукама и ключи с собой захватил. Тут решилось его царское слово.

(Записано от В. П. Щеголенка.)

Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. № 5.